

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17805/zpu.2015.2.17

Биотехнологическое конструирование искусственного — естественного: социальный контекст*

О. В. ПОПОВА

(Институт философии РАН)

Расширяющиеся возможности искусственного вмешательства в биологию человека (биотехнологические манипуляции на клеточном уровне, трансплантация органов и тканей, интенсивная терапия, расширение рынков биологических материалов и т. д.) определили появление новых представлений об антропологической границе, критериях жизни и смерти человека. Одновременно они вызвали кризис самопонимания, обусловленный разрушением естественных соматических основ идентичности человека и осознанием опасности стать объектом манипуляции. Все эти проблемы вызывают острую необходимость исследований социальных проблем биотехнологического преобразования (конструирования) человеческой природы.

В статье рассмотрен историко-философский контекст проблематизации искусственного — естественного, в частности представлено развитие этой темы в Античности и в эпоху Средневековья, дана общая характеристика проблемы соотношения природного — артефактного в Новое время. Показано, что различие между природой и артефактом, которое раньше воспринималось как естественно данное, в современном мире становится социальной конструкцией. Рассмотрены тенденции онтологической миниатюризации артефактов, размывания свойств артефакта, слияния его с естественными объектами. На основе анализа казуса «трех родителей» были разобраны этико-философские проблемы, связанные с возможностью производства «дизайнерских детей», т. е. проектирования черт будущего ребенка (его внешности и характера) в соответствии с предпочтениями родителей.

Сделано заключение об усилении процесса распространения генетического редуционизма. Он представляет собой вид биологического редуционизма, в котором сложность такой высокоорганизованной системы, как «человек», способна объясняться, «читаться» на очень примитивном уровне. В то же время генетический микроуровень неожиданно наделяется характеристиками, которые изначально приписывались сложному человеческому поведению.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (проект «Человек как артефакт биотехнологий: междисциплинарное исследование нормативных оснований проблемы усовершенствования человека», грант № 15-03-00818а).

This article was prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities (project “Human as an Artifact of Biotechnology: Interdisciplinary Research of Normative Grounds of the Problem of Human Enhancement”, grant No. 15-03-00818a).

Ключевые слова: конструирование человека, биотехнологическое конструирование, улучшение человека, усовершенствование человека, технологии улучшения человека, этические проблемы современности, биоэтика, миниатюризация артефакта.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие биомедицинских технологий¹ уже более 40 лет сопровождается созданием своеобразной идейной надстройки — биоэтики — комплекса взглядов, ценностей, целей, отражающих рефлексию над социальными аспектами развития биотехнологий, их антропологическими рисками. Само появление биоэтики может рассматриваться как следствие «вторжения “конструирования”» в человеческую природу» (Павленко, 2010: Электр. ресурс), а если взглянуть более широко — как свидетельство переориентации метода современной науки с открытия истины на конструирование, что стало возможным в результате формирования прагматического техноцентристского мировоззрения современного человека. Упомянутые процессы, задающие новую конфигурацию научного знания, определили масштаб восприятия биотехнологий как выражения технологического духа, желание и диспозицию рационального понимания, упорядочивания, предсказания и в конечном счете контроля событий и творений природы (там же).

Рассуждая о развитии биотехнологий, следует обращать внимание на то, что это не только процессы, которые исправляют генетические дефекты на основе использования знаний о геномике, или процессы, позволяющие улучшить биологические свойства. Это не только продукты, полученные благодаря этим процессам, такие как генетически модифицированные клетки или биомеханические устройства, или ткани, созданные из стволовых клеток, т. е. произведенные промышленным путем, обладающие способностью изменить функционирование сознания и тела, полезные агенты (Beyond Therapy ... , 2003: Электр. ресурс). Содержание биотехнологии шире представления о процессах и продуктах. Биотехнологии являются средством, формой усиления человека, улучшения его природы и усовершенствования его качеств. Развитие биотехнологий в целом является реализацией общекультурного проекта по конструированию человека². Биотехнологии предстают как одно из средств контроля мира и человека в этом мире, характеризующегося расширением присутствия искусственного, спроектированного в различных локусах человеческого существования (спорте, образовании и т. д.) и пограничных ситуациях (рождении, болезни, смерти). Понятие биотехнологии, таким образом, обладает полисемантическим характером. Меня преимущественно будет интересовать преобразующий, конструирующий, проективный характер биотехнологий.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО/ЕСТЕСТВЕННОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАКТИК БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Осмыслению соотношения понятий «искусственное» и «естественное» отводилась значительная роль в истории философии. Принципиально важной здесь является позиция Аристотеля, по-своему задавшая основания для дальнейшей этической и биоэтической проблематизации этих понятий. Для Аристотеля естественное существует по природе, а искусственное — в силу иных причин. Вещи, существующие по природе, обладают своего рода автономией — в том смысле, что являются источником движения и покоя, проявления активности, в то время как образованные искусственным путем предметы, даже если они состоят из природных тел, производны от ак-

тивности первых, но в отличие от первых не обладают душой и, таким образом, онтологически менее значимы, онтологически ущербны.

При этом стоит обратить внимание на то, как аристотелевское понимание «естественности» (природности природы) подвергается проблематизации в философско-теологической мысли Средневековья. Представление о природе как творении Бога, его изделия, доминировавшее в Средние века, с одной стороны, подчеркивает ее онтологическую недостаточность, а с другой — закладывает фундамент дальнейшего конструирующе-преобразовательного отношения к природе в целом и природе человека (его телесности) в частности. Коннотации, связанные с понятием артефакта в современной философии науки и техники, необычайно широки. С одной стороны, артефакт — это искусственный объект, нечто произведенное, то, что сотворено человеком. Но с другой стороны (и это отличает человека от Бога), человеческое творчество создает мир не из «ничего». Онтологическим основанием артефакта выступает его природная «материя», которой разумная душа человека, созданная по образу и подобию Бога, придает новую, отсутствующую в самой природе «форму». Развивая эту традицию, уже в начале XX в. Н. А. Бердяев писал о «сотворчестве» Бога и человека. Но в этом сотворчестве человек онтологически вторичен. Он не создает, а лишь использует законы природы и особенности их протекания в тех или иных процессах и явлениях в своих изобретениях. Классическая наука Нового времени сохраняет идею природы как независимой от человека реальности, но секуляризирует ее, рассматривая в качестве причины самой себя (*causa sui* Б. Спинозы). В неклассической и даже постнеклассической науке (Степин, 2009) второй половины XX в. различие между естественным и искусственным в процессе человеческого вмешательства ставится под вопрос. Природное состояние как объект науки и предмет биотехнологического преобразования в артефакт оказывается, с одной стороны, детерминировано актом вмешательства ученого (например, результатом манипуляций с человеческими клетками на генетическом уровне), но с другой — предполагает естественность своего происхождения.

Различие между природой и артефактом, которое раньше воспринималось как естественно данное (норма, патология, экзистенциальные моменты рождения и смерти), в современном мире становится социальной конструкцией, конвенцией. Специфичность современной культуры проявляется не только в том, что она проблематизирует различие «факт» — «артефакт», но и в том, что создает, конструирует «естественное» состояние на грани «человек» — «нечеловек», существо природное (*zoe*) или политическое (*bios*)³.

Поскольку артефактом можно считать любую социальную конструкцию, то дихотомия «естественное — искусственное» может и должна быть спроецирована на существование самого человека. Тем самым подразумевается, что человек есть не только нечто данное, но еще и заданное: культурой, обществом, технической средой, которые и являются продолжениями его существа, и социальными константами, детерминирующими его «природное» существование. Человек находится в процессе непрерывного самопреобразования, «заботы о себе» (М. Фуко) и одновременно включен в бесконечный процесс социальных интеракций, коммуникативных взаимодействий, затрагивающих его физическое и психическое существование. Являясь своего рода социальной конструкцией, он определен (задан) целями и ценностями своего сообщества, предопределяющими его к исполнению той или иной социальной роли, подобно тому как вещь предназначена к выполнению той или иной функции.

В этом смысле современная ситуация глубокого погружения в искусственное, вызванная интенсивным развитием биотехнологий, была удачно названа Б. Г. Юдиным

интенциональным конструированием, «конструктивным конструктивизмом» (Юдин, 2014). Данный вид конструирования в отличие от естественных процессов конструирования социальной реальности является «выражением деятельностной, или проектно-конструкторско-технологической, изменяющей мир установки, точки зрения искусственного, в противовес созерцательной, или объясняющей, или натуралистической установке» (там же: 26), характерной для процесса естественного конструирования реальности. Естественное конструирование реальности (например, в процессе создания систем ценностей и представлений) издревле обеспечивало человеку возможность совместного существования, давало опоры для совершения действий, морального выбора. Однако процесс естественного конструирования социальных конвенций уступает место радикальному целенаправленному технологическому вмешательству в бытие человека, направлен на такую модификацию его личности, которая оказывается в ситуации утраты антропологических констант своего бытия, острого кризиса этических оснований и самопонимания. Человечество сталкивается с рисками, дать оценку которым невозможно исходя из существовавшей прежде системы этико-аксиологических координат. Реализация «тенденции к созданию новой формы» (Тищенко, 2009: 22) как сущностный аспект конструирования в своем крайнем проявлении зачастую принимает деструктивные с точки зрения традиционных представлений формы, которые могут тем не менее оказаться выгодны заказчику, например будут соответствовать новому идеалу человека, приближенному к модели успешно функционирующей биомашины. Мечты родителей иметь ребенка, полностью соответствующего заданным параметрам успешного, по их представлениям, человека, или государства, желающего иметь дело только с послушными гражданами, и, следовательно, стимулирующее развитие биомедицинских исследований в сторону производства лекарств, обладающих эффектом подавления психических функций личности и т. д., — это чаяния одного рода, исходящие из технологизации человеческого бытия, применения к нему инженерного подхода.

Экспериментирование над собой и своим телом приводит к конкуренции возможных онтологий, характеризует мир неизвестного будущего, где конструирование и уничтожение могут перестать быть антагонистами, а станут неуклонно тяготеть друг к другу. П. Д. Тищенко вводит в этой связи понятие «деструктурирование», которое раскрывает процесс продуцирования «отходов» диалектически разворачивающихся тенденций конструирования, т. е. «непредставимых и технологически неконтролируемых последствий» (там же: 22), обуславливающих возникновение различных форм кризиса (экологического, социального, глобального). Специфические деструктивные эффекты проявляются в условиях миниатюризации артефактов, появлении precedентов невидимого конструирования.

МИНИАТЮРИЗАЦИЯ АРТЕФАКТА, ИЛИ О ВИДИМОМ В НЕВИДИМОМ: ЭТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Артефакт в своей онтологической ипостаси может быть рассмотрен в качестве объекта, который компенсирует дефицит человеческой сущности⁴. Он может проявляться на разных уровнях его онтологии: человек испытывает дефицит физических, познавательных возможностей, эстетических, моральных качеств. Такого рода дефицит имманентен человеческому существованию, которое обладает функциональной недостаточностью биологической специализации к определенной окружающей среде. Кроме того, существует культурная неудовлетворенность собственным существованием, перманентный онтологический запрос на преодоление уязвимой пози-

ции в мире. Беззащитность человека, его онтологическая слабость, с которой он приходит в этот мир, компенсируются выстраиванием оказывающих поддержку сети социальных институтов, наполнением мира технологиями и другими культурными артефактами, обеспечивающими его безопасность и свидетельствующими о его могуществе.

Однако попытки компенсировать собственную недостаточность полезными вещами (фактически усилителями человеческой природы) не удовлетворяют человека. Возможно, это связано с тем, что внешние артефакты, как бы они ни были умело подстроены под хабитус человека, все же являются для него чем-то чуждым, мешающим, отвлекающим от собственной субъектности, в то время как идеальный артефакт должен не осознаваться в качестве инструментализируемой вещи, но обладать собственной активностью, исходящей при этом из глубины самого субъекта. Выполнение этого парадоксального требования оказывается возможным только в случае, если артефакт глубоко укоренен в человеческой телесности, т. е. онтологически находится на грани превращения в естественную вещь.

Отличительной чертой современного развития биотехнологий является интенция на минимизацию артефакта. Речь идет не только о его миниатюризации (как, например, в случае с нанобиотехнологическими артефактами), но, если можно так выразиться, онтологической миниатюризации, т. е. размывании свойств артефакта, слиянии его с естественными объектами. Миниатюризация артефакта стала возможной благодаря обострению научного «взгляда», техническим возможностям, специальным приборам, которые позволяют рассматривать мир более подробно и фундаментально, в его сложной структурности. В современном технологическом мире вещи подверглись бесконечному делению, и на повестке дня стоит вопрос о том, чем считать частицы частиц, например кварки. Одна из интерпретаций оказалась связана с их оценкой в качестве символов численного мышления. Раздробленный на частицы мир перестает быть чувственно воспринимаемым. Современный вектор научно-технического развития предвещает наступление эры квантовых технологий, которая идет на смену эре «нано».

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических устройств, вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, к миру идей, математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи от того, что доступно чувственному взору, к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в эффектах, проявляемых по-новому сконструированной вещностью, а потому не менее артефактно.

Открывая этот мир в соответствии с пока известными нам законами естествознания, мы приближаемся к моменту, который может опрокинуть все наши представления о жизни, материи, кардинально изменить наш опыт и антропологический облик. Компьютер размером с атом, на который может быть записана информация обо всем культурном багаже человечества, или, как обещают нам трансгуманисты, и само человеческое существование, сведенное к информации, являют собой плоды калькулирующего мышления и бесконечного процесса дробления мира, создания шедевров технологических миниатюр. Новый конструирующий взгляд на мир прекрасно охарактеризован в работах Х. Новотны и Дж. Теста: «Жизнь разделена на ее организационные единицы. Наше молекулярное исследование делает эту фрагментацию возможной. И этот шаг представляется логическим продолжением диссекции тел в эпоху Ренессанса, когда геномные браузеры заменили анатомические театры, как бы

показывая, что изменились проникающая способность и разрешение нашего взгляда» (Nowotny, Testa, 2010: 3; пер. мой. — О. П.). Эти ученые заявляют об отсутствии объективного «незаинтересованного» взгляда наблюдателя, «чистого зеркала», в котором отражаются научные истины. Взгляд современного ученого — это взгляд, направленный не только на понимание сути вещей, но и на их преобразование, конструирование, использование в прагматических ненаучных целях.

Проблема дифференциации искусственных и естественных объектов отчетливо обозначается в процессе исследования объектов наномасштабов. Нанобиотехнология часто пытается заменить органическое (естественное) механическими (искусственными) имплантатами, предельно минимальными артефактами, задача которых состоит в усовершенствовании человеческого существа. Развитие генетических технологий, способных модифицировать геном человека на самых ранних стадиях его развития, делающих различие между искусственным и естественным предельно минимальным, проблематизирует онтологический статус артефакта в новых реалиях научно-технического прогресса.

Что же происходит с онтологическим статусом артефакта в мире развитых биотехнологий? Давайте представим себе историка-археолога, прилагающего значительные усилия для поиска определенных культурных объектов. Мир вещей, с которым имеет дело такой историк, вполне осязаем, каждый его артефакт может быть представлен в качестве музейного экспоната. Если бы историк далекого будущего попытался классифицировать значимые артефакты нашего времени, нашего ближайшего будущего, он вынужден был бы иметь в виду, что их следует искать не только в местах захоронений или на свалках, где самым очевидным образом явлена культура потребления, но прежде всего в останках наших тел. Именно они — тела подступающего к нам будущего — предоставляют место для реализации истории технологических артефактов — истории инкорпорированной технологии (наполняющей наши тела чипами, различными электронными устройствами, а также различными усилителями наших телесных качеств и свойств сознания).

Проблема демаркации искусственного и естественного все сильнее озадачивает представителей социальных наук. Мир биотехнологий породил множество непривычных проблем. Например, как реагировать на генетический допинг в спорте? Вспомним, что оценка спортивных заслуг связана с манифестацией того факта, что высокий результат спортсмена — это плод его естественных усилий (даже несмотря на особый режим питания, особую высокотехнологичную форму и другие неотъемлемые атрибуты спортивной жизни) превзойти себя и при этом остаться самим собой (Nowotny, Testa, 2010). Генетический допинг, в отличие от классических фармакологических видов допинга, вводимых различными способами в организм спортсмена, «перестает быть внешней субстанцией, искусственно введенной в тело. Этот ген будет функционировать в организме спортсмена, являясь, таким образом, его неотъемлемой составляющей» (там же: 23), не попадая под определение допинга и, соответственно, под действие морально-юридических санкций.

КАЗУС «ТРЕХ РОДИТЕЛЕЙ»

В феврале 2015 г. в Великобритании нижней палатой парламента было одобрено применение методов геной инженерии для создания «ребенка от трех родителей», т. е. человека, в клетках которого будут присутствовать ДНК от двух женщин и мужчины. При этом будут использованы половые клетки родителей и ДНК митохондрии, полученной от здоровой женщины. Предполагается, что родившийся ребенок не бу-

дет страдать заболеваниями, которые могли бы быть ему переданы по наследству вследствие дефектов в митохондриях его матери, например такими, как мускульная дистрофия или порок сердца (В Британии одобрено ... , 2015: Электр. ресурс).

Казус «трех родителей» вызвал диаметрально противоположные оценки, апеллирующие к ценностям науки, религии, приватной жизни и т. д., ярко продемонстрировав ситуацию несоизмеримости концептуальных аргументов.

Камнем преткновения стал вопрос о производстве «дизайнерских детей», т. е. проектировании черт будущего ребенка (его внешности и характера) на заказ в соответствии с предпочтениями родителей. И хотя сторонники новой технологии утверждают, что модификация митохондрий не влияет на индивидуальные характеристики будущего ребенка, это не отменяет самого факта генетического конструирования — практики, в отношении которой возникает множество вопросов как этического характера, так и связанных с непредвиденными рисками для здоровья будущего ребенка. Например, такого рода: как могут семейные пары дать полноценное информированное согласие на рождение ребенка с чужеродной ДНК («от трех родителей») ввиду неполноты информации о последствиях самой процедуры, невозможности калькуляции рисков?

Казус «трех родителей» продемонстрировал феномен очищения социальных связей от социального, о чем прекрасно сказала Х. Новотны: ««Социальная связь» в самом истинном смысле этого термина, которая на протяжении столетий была облечена в форму социальных соглашений, в отношениях любви и власти, теперь предстает в своей неприкрытой генетической наготе» (Nowotny, Testa, 2010: 12) (пер. мой. — О. П.).

В связи с возможным появлением и развитием рисков, вызванных применением подобных генетических технологий, возникает также следующая проблема: может ли ребенок потребовать компенсацию от родителей за негативные, с его точки зрения, последствия родительского решения о траектории развития своего ребенка. Не случится ничего страшного, если ребенок будет согласен с выбором родителей относительно тех или иных результатов усовершенствования, однако возможность неодобрения выбора родителей также достаточно велика. И это обстоятельство невозможно упускать из виду. Кроме того, в будущем возможно появление такого рода прецедентов, когда будут сталкиваться различные ценности поколений детей и родителей, в целом различных поколений. При этом предыдущим поколениям будет отводиться роль обезьяны, из которой технологии лепили сверхчеловека.

В острых дискуссиях между родителями и детьми даст о себе знать дефицит универсальных дефиниций таких этических категорий, как благо, справедливость, автономия и др. В этическом вакууме родители могут отстаивать свои права на свободу самореализации и невмешательство в пространство тела, а дети, выражая в своих действиях свое понимание блага, будут отстаивать свою позицию относительно того, что считать правильным, а что нет⁵. Конструирование ребенка может проходить на совершенно разных уровнях и касаться не только усовершенствования уже имеющихся детей с помощью различных инновационных артефактов, но и избавления от потомства с нежелательными чертами.

Эта тенденция усовершенствования приобретает черты индивидуальной утопии. В этой связи Б. Г. Юдин отмечает, что импульс, питающий современное утопическое мышление, не иссякает, однако «прорастает на иной почве — место социальных утопий занимают утопии индивидуальные» (Юдин, 2008: 14). Такие утопии локальны, поскольку направлены на изменение будущего только самого автора утопии, его детей и близких. Обычно они ориентированы на достижения генетики и выступают как про-

явления того, что «именуют “приватной”, “семейной”, “домашней” евгеникой» (там же). Вместе с тем частный характер современной утопии парадоксальным образом соотносится с глобальными тенденциями ее распространения, связанными с определенными социальными рисками. Латентный глобализм может проявляться в том, что общий универсальный эффект от достижения выгодных государству (или конкретным лицам — заказчикам) целей будет оцениваться таким образом, как если бы он был желателен с точки зрения перспективы частных лиц, превратившись в результат выражения демократической воли граждан. Между тем за подобной демократией будет стоять не столько демократический консенсус, сколько «игра» в него, навязанная (например, средствами массовой информации) перспектива и стратегия принятия решений в отношении своего здоровья, улучшения жизни будущих поколений и т. д.

По этой причине приходится постоянно держать в уме тот факт, что современная возможность реализации технологических проектов связана с развитием «чувства» доверия к технологической инновации. Индивидуальная вера в технологию, т. е. частная перспектива технологической утопии, способна стать источником реализации политических действий и открыть горизонты политической драмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постановка проблемы конструирования человека с неизбежностью отсылает к центральному вопросу: как прочесть и как толковать человека? Очевидно, что ответ на него далеко не однозначен. Универсальных критериев толкования на современном этапе развития человечества как бы не существует и существовать не может, поскольку это противоречит характеру конкуренции интересов и связанных с ними ценностей, затрагивающих жизнь индивидов и социальных групп. Вместе с тем любой вид толковательной стратегии чреват высокими рисками забвения о человеке как целостности; человеческое бытие в процессе «чтения» под тем или иным углом зрения всегда оказывается втиснуто в некую абстракцию. В эпоху биотехнологий процесс «чтения» иногда страдает герменевтическим излишеством, которое может проявляться в избыточном внимании к детализации, в наделении частностей абсолютным значением.

Интерпретация человеческого существования в режиме гиперактивного «чтения» — одна из характерных тенденций нашего времени. Ярким примером этого процесса может также служить интерпретация человеческого существования в терминах генетического редуционизма. В рамках последнего реальность человеческого бытия редуцируется к телесности, а генетический код рассматривается как основная глубинная структура телесности. «Генетическое» прочтение человека становится евгеническим. Генетический редуционизм представляет собой вид биологического редуционизма, в котором сложность такой высокоорганизованной системы, как «человек», способна объясняться, «читаться» на очень примитивном уровне (вспомним, например, о расистских теориях наследственности). В то же время генетический микроуровень может неожиданно наделяться характеристиками, которые изначально приписывались сложному человеческому поведению. Так и появляется новый мифический мир, где в борьбу за жизнь человека вступают «религиозные нейроны» и «эгоистичные гены». Только что же остается от самого человека? Человек, завораживаясь электроэнцефалограммами и данными скринингов и узнавая нечто новое о себе, оказывается поневоле втянут в активные «читательские» бои за фиксированное значение его собственных границ и нормы его бытия, грозящие утратой его автономии, целостности и, конечно, понимания себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К биомедицинским технологиям я, следуя позиции П. Д. Тищенко, буду относить «классические методы врачевания (в том числе и психоанализ), его новейшие формы — генодиагностики и генотерапии, клонирования, трансплантологии, экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства в психофармакологии» (Тищенко, 2001: 4).

² В английском языке эквивалентом «конструирования человека» выступают понятия *human design* и *human engineering*.

³ Понятия *zoe* и *bios* в древнегреческом языке означают «жизнь» в разных ее аспектах. При этом первое в современной философии используется преимущественно в контексте понимания жизни как природной реальности, жизни как таковой. Второе понятие используется для обозначения жизни, наполненной социальными, политическими коннотациями, т. е. являющейся не просто данной, но заданной рациональной деятельностью человека, его волевыми усилиями, жизни, сложившейся в результате его общественного бытия.

⁴ Следуя идеям А. Гелена (см.: Гелен, 1988).

⁵ В американской биоэтике активно используется понятие *wrongful life* («противоправная», «неправомерная», «ошибочная» жизнь). Его применяют, например, для описания ситуаций, когда родители подают в суд на врачей или генетиков в связи с рождением ребенка с тяжелой инвалидностью, испытывающего значительные физические и психические страдания. Имеются прецеденты подачи исков детьми-инвалидами против своих родителей, не совершивших аборт, или врачей, позволивших появиться им на свет. Подобные случаи указывают на то обстоятельство, что когда акт рождения становится предметом контроля, т. е. выступает не как естественная данность, а как артефакт, тогда он является предметом вины и ответственности. Именно поэтому упущение возможности улучшения генома будущих детей или допущение их рождения, несмотря на получение информации о возможных патологиях, иногда рассматривается как игнорирование интересов будущего ребенка, его права на жизнь, соответствующую определенному качеству (Heyd, 1994).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В Британии одобрено создание детей «от трех родителей» (2015) [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. 3 февраля. URL: http://bbc.co.uk/russian/society/2015/02/150203_uk_voting_three_person_babies [архивировано в WebCite] (дата обращения: 10.02.2015).

Гелен, А. (1988) О систематике антропологии / пер. А. Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии : переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс. 552 с. С. 152–201.

Павленко, А. Н. (2010) Искусственное и естественное [Электр. ресурс] // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1295.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 03.02.2015).

Степин, В. С. (2009) Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : ИД «Мирь». 672 с. С. 249–295.

Тищенко, П. Д. (2001) Биовласть в эпоху биотехнологий. М. : ИФ РАН. 177 с.

Тищенко, П. Д. (2009) Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. № 6. С. 21–30.

Юдин, Б. Г. (2008) Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 12–20.

Юдин, Б. Г. (2014) Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания / под ред. П. Д. Тищенко. М. : ИД «Навигатор». 351 с. С. 15–29.

Beyond therapy: Biotechnology and the pursuit of happiness (2003) : A report by the President's Council on Bioethics. Washington, D. C. 328 p.; То же. [Электронный ресурс] // DigitalGeorgetown. URL: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/559341/beyond_therapy_final_webcorrected.pdf [архивировано в WebCite] (дата обращения: 03.02.2015).

Heyd, D. (1994) *Genetics: moral issues in the creation of people*. Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press. 276 p.

Nowotny, H., Testa, G. (2010) *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA : MIT Press. 144 p.

Дата поступления: 10.02.2015 г.

*BIOTECHNOLOGICAL DESIGN OF THE NATURAL AND ARTIFICIAL:
THE SOCIAL ASPECT*

O. V. POPOVA

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Dramatically increasing opportunities of artificial intervention in human biology (biotechnological manipulation at the cellular level, organ and tissue transplantation, intensive care, expanding markets of biological materials, etc.) have determined the emergence of new ideas of the anthropological border and the criteria of life and death. At the same time, they have caused a crisis of self-understanding, due to the destruction of natural somatic foundation of their identity and to an awareness of the danger of becoming an object of manipulation in the course of implementing biotechnological utopian ideas. Human vulnerability to potential biotechnological design practices (prior to the spread of eugenics and of the ideas of biotechnological enhancement) causes an acute need for researching the social aspects of biotechnological reconstruction (or redesign) of human nature.

The article deals with the historical and philosophical context of problematizing the difference between the artificial and the natural, from Antiquity and the Middle Ages to Modern times. We show that the distinction between nature and an artifact, which has been earlier perceived as natural in itself, in the modern world reveals the features of a social design. The article describes the trends of miniaturizing ontological artifacts, eroding their properties, and merging it with objects of nature. The case of “three parents” provides good ground for considering the ethical and philosophical issues related to the possible production of “designer babies”, that is, the physical and psychological features of an unborn baby will be tailored in accordance with the preferences of its parents.

We conclude by dwelling on the expanded spread of genetic reductionism as a special interpretive strategy of human existence. Genetic reductionism is a kind of biological reductionism, in which the complexities of man as a highly organized system can be explained or “read” at a very primitive level. At the same time, the genetic micro-level of human beings is — quite unexpectedly — endowed with characteristics that have been initially attributed to complex human behavior.

Keywords: construction of man, human design, biotechnological design, improvement of man, refinement of man, technology of improvement of man, ethical problems of the present, bioethics, miniaturization of an artifact.

REFERENCES

V Britanii odobreno sozdanie detei «ot trekh roditeli» [In Britain, approved the creation of the children “from three parents”]. (2015) *BBC. Russkaia sluzhba*. February 3. [online] Available at: http://bbc.co.uk/russian/society/2015/02/150203_uk_voting_three_person_babies [archived in WebCite] (accessed 24.02.2015). (In Russ.).

Gehlen, A. (1988) *O sistematike antropologii* [On the systematics of anthropology] / transl. by A. F. Filippov. In: *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: perevody* [The problem of man in Western philosophy: Translations] / comp. and afterword by P. S. Gurevich ; ed. by Yu. N. Popov. Moscow, Progress Publ. 552 p. Pp. 152–201. (In Russ.).

Pavlenko, A. N. (2010) *Iskusstvennoe i estestvennoe* [The artificial and the natural]. In: *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [The new encyclopedia of philosophy] : in 4 vols. / The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences ; National Public and Scientific Foundation ; chairman of the academic and editorial council V. S. Stepin. 2nd edn., revised and enlarged. Moscow, Mysl' Publ. [online] Available at: <http://iph.ras.ru/elib/1295.html> [archived in WebCite] (accessed 3.02.2015). (In Russ.).

Stepin, V. S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniia [Classics, non-classics, post-non-classics: Criteria for distinguishing]. In: *Postneklassika: filosofii, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg, Mir" Publ. 672 p. Pp. 249–295. (In Russ.).

Tishchenko, P. D. (2001) *Biovlast' v epokhu biotekhnologii* [Biopower in the era of biotechnologies]. Moscow, Publ. House of the Institute of Philosophy, RAS. 177 pp. (In Russ.).

Tishchenko, P. D. (2009) Biotekhnologicheskie predposylki seksual'noi revoliutsii XXI veka [Biotechnological background of the sexual revolution of the 21st century]. *Chelovek*, no. 6, pp. 21–30. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2008) Meditsina i konstruirovaniye cheloveka [Medicine and human being's construction]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 12–20. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2014) Tochka zreniia iskusstvennogo [The standpoint of the artificial]. In: *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniia* [Humanitarian guidelines of scientific knowledge]. Moscow, Navigator Publ. House. 351 p. Pp. 15–29. (In Russ.).

Beyond therapy: Biotechnology and the pursuit of happiness (2003) : A report by the President's Council on Bioethics. Washington, D.C. 328 p. Idem. *DigitalGeorgetown* [online] Available at: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/559341/beyond_therapy_final_webcorrected.pdf [archived in WebCite] (accessed 3.02.2015).

Heyd, D. (1994) *Genetics: moral issues in the creation of people*. Berkeley ; Los Angeles ; London, University of California Press. 276 p.

Nowotny, H. and Testa, G. (2010) *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA, MIT Press. viii, 144 p.

Submission date: 10.02.2015.

Попова Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, 14, стр. 5. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: j-9101980@yandex.ru

Popova Olga Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 5, 14 Volkhonka St., 119991 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: j-9101980@yandex.ru